

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>

УДК 330.8

JEL B41 A12

Е. П. Дятел

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-4383-8060>, e-mail: dyatel1942@mail.ru

СТАТУС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАК НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ¹

В статье изучается место экономической теории в структуре научного знания и ее роль в создании востребованного в различных сферах деятельности человеческого капитала. Проведен сравнительный анализ организации научного знания в естественных (физика) и общественных (экономика) дисциплинах. Выдвинуто предположение, что твердое ядро экономической науки составляет теоретическая экономика, а в качестве защитного пояса «вспомогательных гипотез» (И. Лакатос) предстает выходящая за пределы ядра совокупность экономических теорий (от политической экономики до неинституциональной экономики). Их категориальная основа совпадает с объективным (в терминологии К. Поппера) знанием, к которому следует отнести базовые категории, логические и математические методы, микроэкономические основания анализа и т. п.

Микроэкономика нацелена на построение математических моделей, отражающих рациональное поведение экономических агентов. Ее углубленное изучение — прерогатива «учебников для ученых» (здесь и далее автор пользуется классификацией Б. Больцано). В мировой практике высшего образования «микроэкономическая теория» отнесена к уровню аспирантуры (учебник Андреу Мас-Колелла, Майкла Д. Уинстона, Джерри Р. Грина). Это ставит проблему эффективности углубленного изучения микроэкономики и других дисциплин, формирующих твердое ядро экономической науки, как целей профессионализации будущих выпускников магистратуры и бакалавриата.

В магистратуре на первый план выходят «учебники для деловых людей». Такова *industrial organization* (экономика отраслевых рынков). Опираясь на категориальную основу микроэкономики, она (и другие подобные дисциплины) предполагает практически ориентированное обучение, включая кейсы и ноу-хау из личного опыта авторов или цитируемых источников.

Содержание экономических теорий включает мировоззренческую составляющую, во многом совпадающую с неявным (личностным) знанием (в трактовке М. Полани). В нем проявляются зачатки критического отношения к прежним теориям, зарождаются прогрессивные тенденции развития экономической науки. Предпосылкой является формирование экономического образа мышления («учебники, адресованные самому многочисленному классу читателей»), которое происходит в старших классах специализированных школ или вузовском бакалавриате.

Ключевые слова: теоретическая экономика, твердое ядро экономической науки, экономические теории, экономическое мировоззрение, личностное знание

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021 год.

Для цитирования: Дятел Е. П. Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 3. С. 374-388. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>.

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2021.

Evgeny P. Dyatel

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-4383-8060>, e-mail: dyatel1942@mail.ru

The Status of Economic Theory as a Scientific and Educational Discipline

The article examines the place of economic theory in the structure of scientific knowledge and its role in creating human capital. The comparative analysis focuses on the way knowledge is organized in natural (physics) and social (economics) disciplines. It is suggested that theoretical economics lies at the core of economic science, and there is also a protective belt of «auxiliary hypotheses» (I. Lakatos) comprising a range of economic theories (from political economy to neo-institutional economics) appears. Their categorical foundation coincides with objective knowledge (in the terminology of K. Popper), which should include basic categories, logical and mathematical methods, micro-economic bases of analysis, etc.

Microeconomics is aimed at building mathematical models that reflect the rational behavior of economic agents. Its in-depth study is the prerogative of «textbooks for scientists» (in the classification of B. Bolzano). Within the higher education system, 'microeconomic theory' is studied at the level of postgraduate studies, which means that the disciplines that form the core of the economic science should be studied more intensively at the Bachelor's and Master's levels.

In Master's programs, what comes to the fore is the 'textbooks for business people' or the economy of industrial markets. The economy of industrial markets and other similar disciplines based on the categorical foundation of microeconomics offer practically oriented training (case studies and know-how).

The content of economic theories includes a worldview component, which largely coincides with implicit (personal) knowledge (in the interpretation of M. Polanyi). This is where originates the critical attitude towards previous theories and progressive trends in the development of economic science. The factor that contributes to the formation of the 'economic way of thinking' (textbooks addressed to wider public) in the senior classes of specialized schools or at the level of Bachelor's programs.

Keywords: theoretical Economics, core of Economic Science, Economic theories, Economic world view, personal knowledge

Acknowledgements

The article has been prepared in accordance with the plan of Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021.

For citation: Dyatel, E. P. (2021). The Status of Economic Theory as a Scientific and Educational Discipline. Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 18(3), 374-388. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>.

Введение

Одной из задач российской высшей школы является повышение образовательного уровня и квалификации индивида для создания востребованного в различных сферах деятельности человеческого капитала. Это ставит проблему соотношения объективного содержания науки и личностного знания, формирующего навыки и компетенции будущего специалиста, а следовательно, распределения времени и усилий при изучении любой дисциплины, включая экономическую теорию.

Содержание и объем понятия «экономическая теория»

Воспользуемся общепринятым определением теории как системы научного знания, объясняющего некоторую совокупность явлений и сводящего открытые в данной области закономерные связи к объединяющему началу. Что касается содержания и объема понятия, включающего совокупность проявлений эконо-

номической жизнедеятельности человека и общества, здесь возможны принципиальные разногласия. Если не вдаваться в суть¹, то научный работник или преподаватель экономической теории интуитивно, опираясь на свои знания, выделяет и ограничивает соответствующую сферу изучения. Опыт и понятийный бэкгра-

¹ Некоторые авторы придерживаются самой широкой трактовки: «Экономическая теория превратилась в царицу социальных наук. Это единственная отрасль социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия. Она удостоилась издания фундаментального четырехтомного энциклопедического словаря, насчитывающего 4 миллиона слов, через которые как нить Ариадны проходит мысль о том, что экономическая наука наконец вышла за узкие пределы ее прежнего царства — царства производства и распределения — и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права» [The New Palgrave, 1988. — цит. по: Хайлбронер, 1993. С.41). Другие, в том числе Роберт Л. Хайлбронер, постулируют наличие неэкономических форм общественной жизнедеятельности.

унд многих современных российских экономистов формировались на основе методологических представлений, характерных для экономической теории марксизма, с базовых положений которой начиналось объяснение общественной жизни. Такой подход отличается от сложившегося в естественных науках, где нет, например, физической теории как таковой, а есть теоретическая физика. Некоторые ученые и преподаватели предлагают заменить «экономическую теорию» на «теоретическую экономику» (Лемещенко, 2011). К сожалению, в данном конкретном случае затруднительно установить методологические параллели с дисциплинами естественнонаучного цикла. В дальнейшем будем ориентироваться на высказывания Й. Шумпетера, оценивавшего возможные соответствия между теоретической физикой и экономической теорией. По его словам: «Экономическая теория делает нечто совершенно иное. Конечно, как и теоретическая физика, она не может обойтись без упрощающих моделей и схем, отражающих некоторые аспекты действительности» (*History of Economic Analysis*, 2006. P. 13), а далее присоединяется к «непревзойденному» определению Джоан Робинсон: «экономическая теория — это ящик с инструментами» (Шумпетер, 2001. С. 19).

Чтобы глубже разобраться в поставленном вопросе, начнем с того, что наряду с «теоретической физикой» существует «физика». Термин был введен Аристотелем (от др.-греч. φύσις — природа) и сохранился до нашего времени как обозначение области естествознания, или науки, о наиболее общих законах природы (о составе и структуре материи, ее движении и правилах трансформации). Понятие «экономия», впервые использованное Ксенофонтом, сегодня превратилось в «экономикс» (английская калька древнегреческого οἰκονομία) и применяется как синоним науки о всеобщих законах хозяйственной деятельности. Но, если использование универсального термина «экономикс» в англоязычных источниках вполне оправданно, то его перевод на русский язык в качестве «экономической теории» требует дополнительного обоснования¹. Это вовсе не говорит о том, что понятия «физическая» или «экономическая» теория не используются в соответствующих отраслях знания²,

но каждая из таких теорий сопровождается выявлением специфического предмета исследования. Что касается определения экономической теории как «ящика с инструментами», мы бы предпочли перевести окончание фразы: «In Mrs. Robinson's unsurpassably felicitous phrase, economic theory is a box of tools» (*History...*, 2006. P.13) словами: «экономическая теория — это набор инструментов». Подобное определение вполне пригодно и для теоретической физики, методология которой состоит в выделении ключевых физических понятий (таких как атом, масса, энергия, энтропия, поле и т. д.) и формулировки на математическом языке законов природы, связывающих эти понятия; объяснении наблюдаемых явлений природы на основе сформулированных законов природы; предсказании новых явлений природы, которые могут быть обнаружены. Теоретическая физика принимает за постулат, что в силу неких причин математическое описание природных явлений оказывается крайне эффективным. Она изучает не свойства самой природы, а свойства предлагаемых теоретических моделей (Вигнер, 1968; Wigner, 1960).

Мнение об экономике (экономикс) как глубоко математизированной области знания укоренилось в общественном сознании и поддерживается большинством специалистов. В этом есть рациональное зерно. Как писал Анри Пуанкаре: «Математики изучают не предметы, а лишь отношения между ними...» (Пуанкаре, 1990. С. 26). Это положение распространяется на широкий круг «предметов», отношения между которыми помогает осмыслить «математическая индукция», которую Пуанкаре считал «утверждением могущества разума». «В силу этого могущества разум обладает непосредственной интуицией, а опыт может быть для него только поводом воспользоваться ею и осознать ее» (Пуанкаре, 1990. С. 21). Эти слова Пуанкаре относятся к физической реальности. И хотя взаимосвязь физического опыта и «умозрительной интуиции» остается не до конца проясненной, для экономиста она заключается в том, чтобы за отношениями предметов и выражающими их математическими формулами раскрыть отношения людей. Вопрос состоит

¹ В упомянутой выше статье (Хайлбронер, 1993) название в оригинале звучит по-другому: «Экономика как универсальная наука» (Heilbroner, 1991. P. 457–474.) и далее по тексту, включая цитату из статьи Джека Хиршлайфера.

² Тот же Роберт Л. Хайлбронер является автором статьи

«Экономическая теория возможна?» (Is economic theory possible? by Robert L. Heilbroner). Другой известный американский ученый Хэл Р. Вэриан опубликовал статью «Какая польза от экономической теории?», в которой исследуется, «насколько неоклассическая экономическая теория полезна для понимания экономической политики», а также описано то, что автор «считает ролью экономической теории в экономике» (Varian, 1989).

в том, какие предметы и какие отношения между ними должны отражать базовые экономические понятия?

Здесь возможны разночтения, связанные с различием концептуальных подходов, порождающих не только неоклассическую экономическую теорию, но и политическую экономию, новую институциональную экономическую теорию и т. д. С начала 90-х годов прошлого века данная проблема неоднократно обсуждалась в российской экономической литературе. Внесли свой вклад и уральские исследователи. Не повторяя сделанного этими и другими авторами, солидаризуемся с ними в том, что продолжающийся поиск закономерностей развития единой экономической науки по-прежнему остается актуальным (Татаркин, Берсенёв, 2006). Сегодня на первый план выходит задача выделения общего теоретического и методологического ядра указанных выше дисциплин.

Решение этой задачи предполагает обращение к истории экономической мысли, этапы развития которой отражены в специальной научной и учебной литературе. Й. Шумпетер озвучил точку зрения, согласно которой учено-экономиста отличает владение техникой экономического анализа (Шумпетер, 2001. С. 14–15). И хотя здесь не предъявляются какие-либо особые требования к «технике», можно сформулировать две ее особенности: 1) анализ не должен искажаться идеологическими или ценностными суждениями, т. е. не должен носить нормативный характер; 2) совершенствование анализа обуславливает прогресс в экономической науке и совпадает с ним (Там же. С. 47)¹. Свое видение затронутой проблемы Шумпетер более подробно раскрывает в лекции «Прогресс теоретической экономики на протяжении последних двадцати пяти лет» (History, 2006. Р. 1105–1107, русск. изд., с. 1499–1500). Существенных различий с ранее сказанным мы не заметили. Вынесенный в заглавие лекции Й.А. Шумпетера термин «теоретическая экономика» (*theoretical economics*) мы считаем возможным отождествить с «научной или аналитической экономикой» (*Scientific or Analytic Economics*), или, как это принято в русскоязыч-

ных переводах, с «экономическим анализом». При этом встает вопрос, насколько обосновано внимание, которое мы уделяем «Истории экономического анализа» Й.А. Шумпетера и термину «теоретическая экономика», хотя он встречается считанное число раз?²

Теоретическая экономика

Шумпетера иногда называют «необычайно начитанным аутсайдером», который разработал «научное видение развития экономической науки» (Перлман, 2001. С. XVIII–XIX). Это близко современному состоянию российской экономической мысли, находящейся на стадии догоняющего развития, что позволяет иной раз увидеть истины, которые не нашли пока отражения или признания в зарубежных научных исследованиях. В любом случае его труд составляет бесценный опыт осознания и освоения истории экономической мысли, порождающий целый ряд системных эффектов в понимании давно открытых экономических феноменов, интерпретация которых была общим местом во всех учебниках по истории экономических учений³. Это относится и к соотношению общей экономики (*general economics* — в российском издании этот термин переведен как «общая экономическая теория»), экономического анализа (теоретической экономики) и специальных экономических теорий.

Термин теоретическая экономика представляет интерес, не в последнюю очередь потому, что мы считаем правомерной аналогию с теоретической физикой (что неоднократно делает Шумпетер). Здесь и там особую роль играет техника анализа, основанная на присущем каждой дисциплине логическом и математическом инструментарии. Результаты анализа используются экономическими и физическими теориями, представляющими собой области знания со специфическим предметом исследования. Но, если по отношению к физическим теориям это положение стало едва ли не общим местом, то с экономическими теориями дело обстоит сложнее. Во-первых, теоретическая экономика не обрела статуса, сколько-нибудь сравнимого с теоретической физикой, во-вто-

¹ Этот подход поддержан многими экономистами. Вместе с тем, один из ведущих специалистов в данной области М. Блауг предостерегает: «Мысли, подобные этим, рожают абсолютиста, который взирает с нынешних высот на ошибки старых авторов и не может удержаться от заключения, что истина в значительной степени концентрируется в предельном приращении к экономическим знаниям» (Блауг М., 1994, С. 3).

² У Шумпетера можно найти и другие, близкие по содержанию и объему понятия термины, одним из которых является «чистая экономика» (в русском переводе — «чистая экономическая теория» (Шумпетер, 2001, С. 8, Примечание).

³ В качестве примера приведем шумпетеровское понимание меркантилизма, отличающееся от предложенного в «Богатстве народов» А. Смита и позволяющее многое осмыслить в экономике и политике стран с переходной экономикой (см.: Иваницкий, Дятел 2021).

рых, сам термин сравнительно недавно получил права полноправного гражданства и нечасто используется в экономической литературе. Известные нам журналы с таким или похожим названием появились около 20 лет назад¹. Опубликованные в них статьи не всегда близки шумпетеровскому представлению об экономическом анализе. Ему соответствуют некоторые публикации в «Theoretical Economics» (de Clippel, Rozen, 2021; de Clippel, Eliaz, Fershtman, Rozen, 2021). С уважением следует отнестись к заявлению главного редактора «Вопросов теоретической экономики» П.А. Ореховского (2021), в котором указывается на сосредоточенность журнала на методологических и теоретических вопросах междисциплинарных, экономических, институциональных (включая социальные вопросы) исследований. Это подтверждают статьи, в которых поднимаются дискуссионные теоретико-методологические проблемы (Тамбовцев, 2020; Гребенников, 2020).

Обратимся к неоклассике, которая представлена трудами по микроэкономике и микроэкономическим основаниям иных экономических теорий². Ее составной частью являются математические модели. Они не обязательно основаны на реальных предпосылках. Утверждается, что теории следует оценивать по способности предсказывать события, а не по реалистичности предположений (Фридмен, 1994. С. 49). И все же, проводя параллели с естественными науками, вернемся к А. Пуанкаре, заявлявшему, что «принципы геометрии не являются фактами опыта» и «было бы ошибкой заключить, что геометрия — хотя бы отчасти — является экспериментальной наукой» (Фридмен, 1994. С. 66, 65). В результате, несмотря на созданную Х. Лоренцом и А. Пуанкаре математическую оболочку будущей теории относительности, ее основателем считается А. Эйнштейн, лучше понявший стоявшую за математикой физическую реальность. На наш взгляд, этот пример поучителен и для теоретической экономики

¹ Журнал «Theoretical Economics» основан в 2006 г. международным Обществом экономической теории; журнал «Теоретическая экономика» создан в 2011 г. по инициативе кафедры экономической теории Ярославского государственного технического университета; «Вопросы теоретической экономики» издаются с декабря 2017 г. — учредитель Институт экономики РАН.

² «Это ортодоксия теоретическая, она напрямую связана с методикой экономического анализа и лишь косвенно с какими-либо задачами конкретной экономики. Центр ее тяжести лежит в области микроэкономики, но ее влияние пронизывает всю экономическую науку (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 25).

в тех случаях, когда математизация приходит в явное или предполагаемое противоречие с экономическим смыслом исследуемых явлений. Их предметное выражение следует искать в соответствующих экономических категориях.

Политическая экономия

В системе экономических категорий могут быть выделены общие и специфические понятия. Начнем с классической политической экономии, которую большинство исследователей считает началом экономической науки. Ее предмет — производственные отношения. Они генерируются разделением труда. С него начинается свой анализ А. Смит. Исследуя пропорции обмена, он утверждает, что «соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, было бы, по-видимому, основанием, которое могло служить руководством для обмена» (Смит, 1962. С. 103). На указанном фундаменте построена рикардианская трудовая теория стоимости (Рикардо, 1950), которая получила свое развитие в виде «теории прибавочной стоимости» в «Капитале» К. Маркса.

Изучая наследие ученых, создававших классическую политическую экономию, мы иногда забываем, что их творческий потенциал в небольшой степени стал продуктом «классического образования», которое, несмотря на справедливые критические замечания³, во многом сформировало А. Смита, К. Маркса⁴ и других экономистов⁵. В нем сохранился эвристический потенциал аристотелевской логики, оказавшийся востребованным для систематизации категориального аппарата политической экономии и остается таковым в рамках неоклассики. Воспроизведем упомянутые базовые категории научного мышления, заимствуя их из диалектики Аристотеля (рис. 1).

³ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. (Смит, кн. 5, отд. III, статья II. А. 1962).

⁴ Об уровне и качестве гимназической подготовки К. Маркса свидетельствуют его «Размышления юноши при выборе профессии» (Маркс, Энгельс, 1956).

⁵ Сюда можно причислить молодого российского ученого И.И. Кауфмана. Он не стал марксистом, но ему принадлежит одна из первых рецензий на русский перевод I тома «Капитала» К. Маркса (Кауфман, 1872). В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс воспроизвел значительную часть этой рецензии, в которой дана совершенно точная, по оценке Маркса, характеристика диалектического метода (Маркс, Энгельс, Т. 23, С. 21). Как нам представляется, не последнюю роль в таком взаимопонимании сыграли похожие образовательные траектории Маркса и Кауфмана.

<i>Родовой признак</i>	<i>Материя (материальный объект)</i>	<i>Форма объекта, или специфический предмет науки</i>	<i>Единство формы и содержания как закон движения изучаемого явления</i>
<i>Формальная причина (causa formalis)</i>	<i>Материальная причина (causa materialis)</i>	<i>Производящая причина (causa efficiens)</i>	<i>Целевая причина (causa finalis)</i>

Рис. 1. Логическая структура предмета науки в диалектике Аристотеля (Т. 1, кн. 6, гл. 8)

Дальнейший ход рассуждений предполагает спецификацию базовых категорий научного мышления для нужд общественнознания. Наиболее последовательно это происходило в рамках исторического материализма, который предполагает косвенный характер производства человеческой жизни (Маркс, Энгельс, Т. 3. С. 18–19), или альтернативное использование ресурсов в процессе трудовой деятельности для получения «прибавочного» (по сравнению с естественной жизнедеятельностью) дохода (рис. 2).

Обратимся к исходным экономическим категориям, которые мы можем отнести к «политической экономии товарного производства» (Маркс, Энгельс, Т. 20. С. 320). Отметим, что при создании соответствующей структурно-логической схемы (рис. 3) нам пришлось изменить субординацию и координацию базовых понятий трудовой теории стоимости по сравнению с представленными в «Капитале» К. Маркса (Дятел, 2019. С. 522).

«Капитал» К. Маркса посвящен критике политической экономии. В его рамках обосновывались монистические теория стоимости и теория прибавочной стоимости. Что касается классической политической экономии, которая с самого начала выступала как наука о распределении прибавочного дохода между общественными классами, она была не столь монистична. Р. Кантильон — автор термина «политическая экономия» — выделил в «Очерке о природе торговли» «три основных класса: 1) владельцы земли; 2) фермеры; 3) горожане и владельцы транспортных средств, доставляющих продукты из сельской местности в город» (Cantillon, 2001). Классовая структура обосновывается критерием функционального распределения доходов («трех рент»). Кантильон воспроизводит аристотелевскую диалектику формы и материи: «Земля является источни-

ком или материалом, из которого извлекается богатство; человеческий труд формирует продукт, а богатство само по себе есть не что иное, как пища, удовольствия и жизненные удобства» (Cantillon, 2001. Р. 5). Эти рассуждения вошли в арсенал выдающихся представителей политической экономии и неоклассики, которые утверждали, что сам человек и его труд способны преобразовывать, т. е. менять, форму, но не создавать материальные объекты (Милль, 1980. С. 122; Маршалл, 1983. С. 122–123). На наш взгляд, это означает наличие двух линий в развитии классической политической экономии: 1) монистической линии — В. Петти, Ф. Кенэ, отчасти А. Смит, Д. Рикардо и ее кульминация в трудах К. Маркса; 2) линии, которая с позиций сегодняшнего дня может быть охарактеризована как рациональная эклектика — Джемс Стюарт, А. Смит, Ж.Б. Сэй, отчасти Д. Рикардо, Дж.С. Милль. Та и другая породили целый ряд концепций (кроме упомянутых — теорию факторов производства, национальную систему политической экономии Ф. Листа и проч.). В целом все они сохраняют политэкономический облик и не могут быть отнесены к экономической теории в современном смысле слова.

Микроэкономика vs общая экономическая теория

Во времена советской власти студенты всех специальностей изучали «марксистскую» политическую экономия. Первая ее часть — политическая экономия капитализма — посвящена критике капиталистического общественного устройства, вторая — политическая экономия социализма — была призвана показать преимущества нового строя и подготовить будущего строителя коммунизма к сознательному и ответственному участию в общественном производстве. Маловероятно, что обе эти дисциплины вернуться в учебные планы российской высшей школы. Их место в специали-

<i>Производство вообще</i>	<i>Материальное производство</i>	<i>Общественное разделение труда</i>	<i>Общественное производство</i>
			<i>Прибавочный продукт (доход)</i>

Рис. 2. Структура общественного производства

Полезность вообще	Потребительная стоимость	Меновая стоимость (альтернативная ценность продукта)	Общественная потребительная стоимость (товар)
			Овеществленный труд
Труд вообще	Абстрактный труд (затраты труда в физиологическом смысле слова)	Конкретный труд (общественный характер труда)	Общественно необходимый (частный) труд

Рис. 3. Базовые понятия трудовой теории стоимости (в интерпретации автора)

зированных курсах, например, истории и методологии экономической науки в программе подготовки будущих экономистов. Это же относится к преподаванию всей классической политической экономии, в каком бы виде оно ни предлагалось ее сторонниками и энтузиастами. Место классической политической экономии сегодня занимают иные экономические дисциплины.

Это ставит ряд вопросов, в том числе в области терминологии. Во-первых, в каком соотношении находятся микроэкономическая теория и теоретическая экономика? Как отмечалось выше, мы считаем, что с точки зрения методики экономического анализа степень совпадения является высокой. Во-вторых, существует ли термин, в котором мы могли бы объединить перечисленные выше различные теоретические направления экономической мысли, включая политическую экономию? На наш взгляд, с известной долей условности, это может быть «общая экономическая теория» (*general economics* в терминологии Й. Шумпетера). В-третьих, в каком соотношении находятся и как взаимодействуют разделы общей экономической теории? Как нам представляется, последний вопрос остается наименее проработанным. Причины заключаются в огромном материале, постоянном возникновении новых направлений экономико-теоретического исследования, недостаточно широкой теоретической и методологической подготовке экономистов.

В процессе создания востребованного в различных сферах деятельности человеческого капитала сталкиваются две тенденции: 1) актуальным считается повышение общеобразовательного уровня личности (рост гуманитарной составляющей, формирование экономического образа мышления, изучение иностранных языков, математики и т. п.); 2) профессиональная подготовка, которая зависит от профиля обучения. В России с начала 90-х годов прошлого века интенсивно внедрялось преподавание микро-и макроэкономики, которые в вузовском расписании обознача-

лись как «экономическая теория». И это было оправданно, поскольку другой экономической теории, кроме марксистской политической экономии, мы тогда не знали.

Указанные дисциплины в достаточной степени математизированы. В микроэкономике это обусловлено самим предметом исследования, в качестве которого выступает индивидуальное принятие хозяйственных решений. При этом «отправной точкой любой задачи индивидуального принятия решений является множество возможных (взаимоисключающих альтернатив, из элементов которого индивид должен сделать свой выбор» (Мас-Колелл и др., 2016. С. 5). Предполагается, что микроэкономика имеет дело с множествами, которые могут быть выражены системой дифференциальных уравнений, учитывающих предельные приращения величин, например, полезности потребляемых продуктов. Конечно, в реальности никакие сколь угодно маленькие глотки чая (пример А. Маршалла) или других жидкостей не означают непрерывного приращения полезностей. С этой точки зрения вальрасианская кривая спроса представляет собой совокупность отдельных точек — так же в случае, когда студенты ищут съемное жилье (Вэриан, 1997. С. 16), при купле лошадей (авторы данного примера представители «австрийской школы» К. Менгер и Е. Бам-Баверк, воздержались от построения кривых спроса).

Комментируя абстрактные отображения экономических взаимосвязей в виде формул и графиков, отметим, что наука имеет право создавать идеальные модели действительности. Дифференцируя достаточно большую совокупность конечных элементов, мы получим вполне удовлетворительный результат. Это создает методологическую основу системного подхода в экономическом анализе. По словам Л. фон Берталанфи: «Прототипом описания систем являются системы дифференциальных уравнений, в общем случае нелинейных» (Берталанфи, 1969. С. 42). Однако нужно иметь чувство меры, не позволяющее воспринимать выводы «при прочих равных условиях»

как прямое руководство к практическим действиям. К сожалению, встречается иллюзия профессионализации экономического образования путем заучивания студентами определений и формул с последующим решением задач на практических занятиях. Возникает ситуация, когда сравнительное преимущество получают преподаватели, владеющие математическим аппаратом, но не всегда глубоко понимающие экономический смысл исследуемых зависимостей. Впрочем, даже если они его понимают и умеют донести до студента, не следует забывать, что в учебном процессе реализуются цели как фундаментального («классического») образования, так и развития профессиональных компетенций. Например, во ФГОС ВПО по направлению подготовки 38.03.01 (080100.62) «Экономика»¹ насчитывается 16 общекультурных (ОК) и 15 профессиональных (ПК) компетенций. Лишь одна из них (ПК-6) указывает, что выпускник должен быть «способен на основе описания экономических процессов и явлений строить стандартные теоретические и эконометрические модели, анализировать и содержательно интерпретировать полученные результаты». Поэтому, если микроэкономика не является продвинутым курсом, который преподается магистрам или аспирантам, то скорее всего нужен другой курс экономической теории, формирующий, в первую очередь, экономический образ мышления с элементами профессиональной направленности.

О. Уильямсон, входящий в число основоположников новой институциональной экономической теории, проводит разграничение между общими и специфическими активами, одни из которых являются перемещаемыми, «другие же затраты, которые бухгалтеры относят на счет переменных затрат, нередко в значительной части являются не утилизируемыми (*non salvageable*). Примером здесь может быть специфический для данной фирмы человеческий капитал» (Уильямсон, 1996. С. 108). Наиболее специализированными человеческими активами оказываются профессиональные компетенции, которые могут быть использованы и приносят реальный доход в данное время и в данном месте. Возникает проблема соотношения объективного содержания науки, определяющего тенденции ее развития, и личного знания, формирующего навыки и компетенции будущего специалиста, а сле-

довательно, распределения времени и усилий при изучении любой дисциплины, включая экономическую теорию. А здесь, как явствует из другой, востребованной современными исследователями работы (Полани, 1985), соотношение объективного и субъективного в процессе познания получает трактовку, выходящую за пределы стереотипов, укоренившихся в изложении и преподавании экономической теории в российской высшей школе.

У нас нет намерения ни в малейшей степени принижать важность человеческого капитала, который реализуется в форме специфических активов. Вопрос в том, в какой степени в его формировании должна участвовать теоретическая экономика, представляющая собой квинт-эссенцию разнообразных экономических теорий?

Объективное знание как твердое ядро экономической теории

У осведомленного читателя термин «объективное знание» отождествляется с одноименной книгой К. Поппера, в которой он излагает оригинальную концепцию «третьего мира», представляющего собой логическое содержание книг, библиотек, компьютерной памяти и т. п.² При безусловных достоинствах данной книги, поставившей своей целью определить характеристики и объем исследуемого понятия, она не нашла широкого признания среди специалистов, возможно, из-за непроработанности ряда моментов³, а, как нам кажется, и в силу незавершенности исследования. Это побуждает нас обратиться к его предшественникам, среди которых Поппер называет Платона, Канта, Гегеля, Больцано, Фреге и др.⁴

² «Примерами объективного знания являются теории, опубликованные в журналах и книгах и хранящиеся в библиотеках, обсуждения этих теорий, трудности или проблемы, на которые было указано в связи с такими теориями и т. д. Мы можем назвать физический мир «миром 1», мир наших осознанных переживаний — «миром 2», а мир логического содержания книг, библиотек, компьютерной памяти и тому подобного — «миром 3»» (Поппер, 2002. С. 52).

³ См.: Дэвид Миллер. Послесловие к русскому изданию «Объективного знания» (Поппер, 2002. С. 259, 260, 262).

⁴ «Таким образом то, что я называю «третьим миром», по-видимому, имеет много общего с платоновской теорией форм или идей и, следовательно, также с объективным духом Гегеля, хотя моя теория в некоторых решающих аспектах радикальным образом отличается от теорий Платона и Гегеля. Еще больше общего она имеет с теорией Больцано об универсуме высказываний (*propositions*) в себе и истин в себе, но отличается также и от этой теории. Мой третий мир по своему смыслу ближе всего находится к универсуму объективного содержания мысли Фреге» (Поппер,

¹ Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от «21» декабря 2009 г. № 747.

а также преемникам, включая занимающего видное место И. Лакатоса.

Вначале остановимся на эвристическом потенциале теории познания Платона, предшествовавшей гегелевскому, а следовательно, и марксову восхождению от абстрактного к конкретному. Мы считаем возможным рассмотреть «вечные» идеи Платона как продукт исторического развития общественного сознания, от которого начинается осмысление практической деятельности людей. Поскольку «вечные» истины не остаются в неизменном виде¹, постольку мы можем отвлечься от того, что Платон являлся одним из основателей идеалистической тенденции в мировой философии и обратиться к практической реализации указанных идей его последователями.

Закономерностям развития теоретического (абстрактного) знания значительное внимание уделяет Б. Больцано. Его взгляды изложены в изданной на русском языке книге, основную идею которой можно выразить словами: наука суть упорядоченная совокупность объективных истин, учебник — логически обоснованная форма их изложения². «Наукоучение» Больцано подытоживает многовековой опыт существования научных истин в письменных источниках и общественном сознании, а выводы могут быть использованы при создании трудов, отражающих фундаментальные основы (базовые понятия) изучаемой дисциплины. Больцано выделяет учебники трех уровней: 1) относительно каждой науки можно указать небольшое число людей, которые в ней желают разобраться полностью ... «Учебники, которые мы пишем для таких читателей, следует называть научными или для ученых»; 2) учебники, адресованные деловым людям (*Geschäftsmann*); и 3) учебники, адресованные самому многочисленному классу читателей, содержащие об-

2002. С. 75).

¹ Любопытным представляется рассказ о платоновской дефиниции человека (Платон, 1986). Существует легенда, согласно которой Диоген Синопский на определение Платона «Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев», ощипал курицу и принёс к нему в школу, объявив: «Вот платоновский человек!» На что Платон к своему определению вынужден был добавить «...и с широкими ногами» (см.: О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов (пер. М. Л. Гаспарова; Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев); АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд., испр. М.: Мысль, 1986) на сайте psylib.ukrweb.net).

² «Наука ~ это не просто сумма истин определенного вида, но такая их упорядоченная совокупность, в которой важнейшие из истин так представлены в учебнике, чтобы достигалась цель более легкого и уверенного их восприятия и понимания читателями» (Больцано, 2003. С. 54).

щепотребляемые (*allgemeinbrauchbare*) науки (Больцано, 2003. С. 386–387).

Надо сказать, что в таком виде наукоучение Больцано, действительно, обнаруживает немало общего с цитируемой выше книгой К. Поппера, для которого «Знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает: оно есть знание без субъекта знания» (Поппер, 2002. С. 77). Поэтому, прежде чем двигаться далее, согласимся с нормативным отношением к любому научному или учебному тексту — требованию его проверки на соответствие требованиям логики³. Однако считаем необходимым добавить к цитируемым рассуждениям аристотелевскую диалектику формы и материи, которая была развита и использована Гегелем, а затем К. Марксом, в том числе для изучения экономической жизни общества⁴. В этом отношении более перспективной нам представляется концепция Имре Лакатоса, который не сводит научный прогресс к фальсификации теории. Он «выражается скорее в осуществлении верификации дополнительного содержания теории, чем в обнаружении фальсифицирующих примеров» (Лакатос, 1978).

Основными понятиями эпистемиологии Лакатоса являются научно-исследовательская программа, ее жесткое ядро, совпадающее с объективным знанием — роль которого для экономической науки мы уже выяснили, и защитная оболочка⁵ — в ней, как нам пред-

³ «Логика содействует правильности мышления, как грамматика правильности словоупотребления. Она помогает находить ошибки в мышлении и избегать ложных выводов «...Логика исследует различные формы предложений вообще, ... форму ..., но не конкретное содержание, материю мыслей ... в этом смысле можно называть логику просто формальной наукой» (Больцано, 2003. С. 55, 56).

⁴ О критическом отношении Поппера к аристотелевской диалектике свидетельствуют его высказывания: «Аристотель отверг решение, предложенное Платоном, однако поскольку его собственный вариант эссенциализма не содержит даже намека на решение, похоже, что он так никогда и не уловил сути проблемы» (Поппер, 2002. С. 138). И там же — Примечание: «Что касается платоновской теории Форм или Идей, то «одной из ее важнейших функций было объяснить сходство чувственно воспринимаемых вещей»; ср. «Открытое общество», гл. 3, разд. V; см. также примечания 19 и 20 и соответствующий им текст. Неспособность теории Аристотеля выполнить эту функцию упоминается (в третьем издании 1957 года этой книги) в конце примечания 54 к главе 11».

⁵ «Исследовательская программа». Последняя включает в себя конвенционально принятое (и поэтому «неопровержимое», согласно заранее избранному решению) «жесткое ядро» и «позитивную эвристику», которая определяет проблемы для исследования, выделяет защитный пояс вспомогательных гипотез ...» (Лакатос, 1978). Используя

ставляется, может найтись место личностному знанию.

Личностное знание в экономической науке и образовании

В экономической литературе есть немало «учебников науки» самого высокого уровня. К ним можно отнести труды А. Смита, Дж. С. Милля, К. Маркса, А. Маршалла и других, в том числе ныне живущих ученых. Однако даже в лучших произведениях, во-первых, нередко нарушаются правила собственно наукоучения, «которым нужно следовать при разложении общей области истин на отдельные науки и при изложении последних в собственных учебниках»¹. Во-вторых, если мы отождествляем объективное знание с теоретической экономикой как квинтэссенцией совокупности экономических теорий, то необходимо определить суть и границы излагаемых знаний и вслед за этим предъявлять соответствующие требования к используемым учебникам. В-третьих, к наукоучению в широком смысле Больцано относит «искусство открытия, или правила, которые обнаруживаются при отыскании истины» (Больцано, 2003. С. 57). Причем, из контекста можно предположить, что усвоение метода научного исследования позволяет каждому отдельно взятому человеку узнать нечто, выходящее за пределы учебника.

Последнее положение нуждается в уточнении. Современные методологи следующим образом характеризуют данный процесс: «На определенном этапе рассуждения индуктивный переход от частных случаев к универсальному закону требует нелогичного мыслительного скачка, дополнительного элемента, вполне способного привести нас от верных предпосылок к ложным выводам. ... Это и есть знаменитая проблема индукции» (Блауг, 2004. С. 57). Преодолеть подобную нелогичность, по мнению Аристотеля, можно, поскольку «... человек обладает научным знанием, когда он в каком-то смысле обладает верой и принципы ему известны» (Аристотель, Т. 2. С. 54–55, 175). Более близкий пример представляет нам марксистское мировоззрение, в соответствии с которым определяющей в поисках истины являлась классовая позиция исследователя,

понятие «твердого ядра» как синоним объективного знания, мы стремимся отвлечься от полемики по поводу его конвенционалистской природы.

¹ «Каждая наука, записанная в собственном учебнике, имеет собственный предмет или область использования» (Больцано. 2003. С. 54).

обусловленная его социально-экономическим положением, производственными и идеологическими отношениями.

Существенный шаг вперед в осмыслении дилеммы объективного и субъективного делает М. Полани, который также считает, что «вера является источником знания» (Полани, 1985. С. 277). Он приводит следующее доказательство: «Необратимый характер открытия наводит на мысль, что никакое решение задачи не может быть признано открытием, если к нему приходят путем процедуры, следующей определенным правилам. Ибо такая процедура будет обратимой в том смысле, что ее можно шаг за шагом проследить в обратном порядке, вплоть до самого начала, а потом повторить сколь угодно много раз, как всякое арифметическое вычисление. Соответственно и любую строго формализованную процедуру следовало бы исключить из числа средств, с помощью которых делаются открытия» (Полани, 1985. С. 180). Отсюда неоднозначный вывод: «современный сциентизм сковывает мысль не меньше, чем это делала церковь. Он не оставляет места нашим важнейшим внутренним убеждениям и принуждает нас скрывать их под маской нелепых, неадекватных терминов» (Полани, 1985. С. 276). В рассуждениях М. Полани можно увидеть рациональное зерно постольку, поскольку нельзя абстрагироваться от особенностей индивидуального восприятия и специфики использования научных данных в практической деятельности человека. Полани не ведет речь о тотальном субъективизме: «Поскольку личностное подчинено требованиям, которые оно само признает как нечто от него независимое, оно несубъективно: но поскольку оно есть действие, руководимое индивидуальными страстями, оно и необъективно. Оно преодолевает дизъюнкцию между субъективным и объективным» (Полани, 1985. С. 300).

Не будем недооценивать проблемы, которые встают в результате такого подхода перед экономической наукой. Стремление к максимизации личной выгоды зависит не столько от рационального или, наоборот, ограниченного в своей рациональности мышления, сколько от первичных или иных жизненных потребностей субъектов экономической деятельности. К примеру, ни исследователь, ни преподаватель не вправе проходить мимо опасности оппортунистического поведения, преодолевающего дизъюнкцию между субъективным и объективным в форме примата личных интересов над общественными.

Оппортунизм может представлять собой способ выживания личности, класса или общественной группы, государства. Поэтому, если говорить об экономической науке в целом или только об экономической теории, их задачи не сводятся к развитию твердого ядра — объективного экономического знания. Вряд ли случайно целый ряд исследователей называл экономическую науку искусством, да она и представляет собой искусство обеспечить человеку и обществу достойный доход и полноценную жизнь.

Уделим еще немного внимания проблемам, которые встают перед организаторами учебного процесса и преподавателями экономической теории. Как нам представляется, существуют некоторые закономерности в ее изложении в образовательных учреждениях. Во-первых, следует изучать базовые экономические понятия, формирующие экономическое самосознание личности (Нуреев, 2014). К ним относятся выбор, ограниченность ресурсов, возможность их альтернативного использования, получение реального дохода (в марксистской терминологии — прибавочного продукта) и др., образующие объективное экономическое знание. Во-вторых, самостоятельной задачей является обучение логике экономического поведения. В-третьих, конкретная форма изложения определяется способностями преподавателя и особенностями аудитории, позволяющими достигнуть синтеза объективного и субъективного во владении операциональным уровнем знаний, умений и навыков.

Если говорить об учебниках, которые Больцано называет «научными или для ученых», в них неизбежна ориентация на передний край науки и преподавания, т. е. труды нобелевских лауреатов и иных выдающихся исследователей и авторов. Как отмечалось, обязательным является изучение истории и методологии экономической мысли. Но главное в том, в какой степени они принадлежат твердому ядру — квинтэссенции предшествующего развития экономической науки. Сегодня мало кто преподает микроэкономику по «Principles of Economics» А. Маршалла, хотя невозможно недооценивать ее основополагающее значение. Учебник, рекомендованный к изучению в аспирантуре ведущих вузов США, — «Микроэкономическая теория» Андреу Мас-Колелла и его соавторов, объем которой в русском переводе составляет свыше 1 300 стр. весьма насыщенного текста. Он необходим будущим ученым и преподавателям экономических дисциплин, тогда как недостаточно под-

готовленному читателю вряд ли следует рассчитывать на легкое усвоение.

В магистратуре по экономическим специальностям на первый план выходят «учебники для деловых людей», к примеру, по научной дисциплине «Industrial organization» (Tirole, 1988), которая в российской высшей школе получила название «Экономика отраслевых рынков» (Пахомова, Рихтер, 2009). Опираясь на категориальную основу теоретической экономики, она (и другие подобные дисциплины) предполагает практически ориентированное обучение, включая кейсы и ноу-хау из личного опыта авторов или цитируемых источников. Учебники второго уровня — для людей, считающих своим призванием предпринимательство или иные формы деловой активности, должны подбираться конкретным преподавателем в зависимости от его склонностей и владения категориальным аппаратом, математическими методами доказательств и знанием области будущей деятельности обучаемых. Упомянутые выше пособия (Тириоль, 1996) отличаются по объему защитного пояса, в котором велика доля личностного знания. Опубликованный позже (спустя 20 лет) учебник Н.В. Пахомовой и К.К. Рихтера повышенное внимание уделяет категориальному аппарату, тогда как кейсы и ноу-хау в значительной степени заимствованы из англоязычных изданий.

Для учебников, формирующих начальный уровень экономического образа мышления, критически важна подготовка автора (преподавателя), позволяющая ему анализировать экономические ситуации при помощи минимального набора категорий и математических расчетов (Хейне, 1997). Трудность заключается в отслеживании тенденций развития неявного (личностного) знания, без которого не обходятся и наиболее продвинутые научные и учебные издания. Например, традиционное для российского экономического образования (да и для обыденного мышления россиян) представление о товаре как единстве потребительной и трудовой стоимости находится в противоречии с его более современными трактовками: «Следует заметить, что время (а также местоположение) могут быть включены в определение товара. Строго говоря, хлеб сегодня и завтра может рассматриваться как различные товары. Аналогично, когда мы имеем дело с принятием решений в условиях неопределенности ..., нам удобнее трактовать хлеб в разных «состояниях природы» как разные товары» (Мас-Колелл и др., 2016. С. 23).

Возникает парадокс образования, полюсами которого являются, с одной стороны, поддержание единых требований к формированию знаний, умений и навыков специалиста, с другой стороны, развитие его творческих способностей. Разрешение этого противоречия предполагает переход на позиции научно-педагогического процесса, синтезирующего мировоззрение и логику, теорию и практику, твердое ядро категориальной системы и личностное восприятие мира.

Еще одна проблема касается ориентации экономической теории на системно-структурный (политэкономический) или дифференцирующий, ставящий во главу угла предельные приращения, подходы. Хотелось бы надеяться на их синтез, но в работе исследователя или преподавателя актуальным остается выбор позиции: 1) определения примата структурных отношений (между индивидами, общественными группами, классами) или 2) математической точности в обосновании экономических решений субъекта хозяйственной деятельности. Однозначный ответ на этот, как и другие, ранее поставленные вопросы, мы считаем преждевременным¹.

Выводы

1. Общепринятое в русскоязычной литературе использование термина «экономическая теория» нуждается в уточнении. Развитие точных наук показывает, во-первых, значительное количество различных теорий в каждой области, например, естествознания, во-вторых, наличие общего ядра для этих теорий, каковым

¹ Молодое поколение легче воспринимает стимулирующее к гибкому экономическому поведению и принятию альтернативных решений «микроэкономическое» определение товара. Но последнее не учитывает меру ответственности старшего поколения; порог бедности с которым сталкиваются многие его представители; этических, правовых и политических отношений, регулирующих поведение индивида или иных субъектов хозяйствования.

(для квантовой механики, теории относительности и т. д.) выступает теоретическая физика.

2. Автор поддерживает использование введенного Й.А. Шумпетером понятия «теоретическая экономика», выступающей квинтэссенцией совокупности экономико-теоретического знания и объединяющей на основе единого подхода разнообразные экономические теории.

3. Изучение микро-и макроэкономики нередко рассматривают как форму профессионализации, требующую дополнительных затрат времени на обучение. Новая институциональная экономическая теория проводит разграничение между общими и специфическими активами, одни из которых являются перемещаемыми, другие в значительной части неутилизируемы. Это поднимает проблему приоритетов в процессе изучения экономической теории и напоминает о важности базовых экономических понятий и экономической структуры общественного производства.

4. Микроэкономическая теория имеет дело с множествами, которые могут быть выражены системой дифференциальных уравнений, учитывающих предельные приращения величин, например, полезности потребляемых продуктов. Это создает методологическую основу системного подхода.

5. В качестве одной из предтеч общей теории систем (ОТС) Л. фон Берталанфи упоминает «диалектику Маркса и Гегеля», что позволяет охарактеризовать соответствующее направление исследования как системно-структурный подход. В этом плане представляет интерес классическая политическая экономия, которую большинство исследователей считает началом экономической науки и в которой была представлена классовая структура общества.

6. Если теоретическая экономика образует твердое ядро экономической науки, то его защитную оболочку составляет личностное знание, формирующее экономический образ мышления.

Список источников

- Аристотель*. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978.
- Берталанфи Л.* Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
- Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 687 с.
- Блауг М.* Методология экономической науки, или как экономисты объясняют : пер. с англ. Ю. В. Автономова. М.: Журн. Вопросы экономики. 2004. 415 с.
- Больцано Б.* Учение о науке. (Избранное). СПб: Наука, 2003. 518 с.
- Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94. Вып. 3. С. 535–546.
- Вэриан Х. Р.* Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1997. 767 с.

- Гребенников П. И. О модернизации курса «макрэкономика» // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2(7). С. 7–35.
- Дятел Е. П. Критерии научной достоверности и способы повышения эвристического потенциала экономической теории // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 513–527.
- Иваницкий В. П., Дятел Е. П. Системно-структурный подход к формированию понятийного аппарата политической экономии // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2. С. 239–265.
- Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–235.
- Лемещенко П. С. Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология // Теоретическая экономика. 2011. № 1. С. 17–34.
- Маркс К., Энгельс Ф. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 1–5.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3, 20, 23. М.: Госполитиздат, 1954.
- Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1983. 415 с.
- Мас-Колелл А., Уинстон М., Грин Д. Микроэкономическая теория. М.: Дело, 2016. 1333 с.
- Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. 495 с.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 535 с.
- Нуреев Р. М. Критика базовых предпосылок современных макроэкономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2014. 54 с.
- Ореховский П. А. Большое слепое пятно экономической науки // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 3(12). С. 145–152.
- Пахомова Н. В., Рихтер К. К. Экономика отраслевых рынков и политика государства. М.: Экономика, 2009. 815 с.
- Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
- Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. 736 с.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 360 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
- Тамбовцев В. Л. Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 7–31.
- Татаркин А. И., Берсенёв В. Л. Политическая экономия и экономикс: особенное и общее // Журнал экономической теории. 2006. № 4. С. 5–14.
- Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности. СПб: Экономическая школа, 1996. 745 с.
- Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, „отношенческая“ контракция. СПб: Лениздат, 1996. 702 с.
- Фридман М. Методология позитивной экономической науки. // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 4. С. 20–52.
- Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. № 1. С. 41–55.
- Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Каталаксия, 1997. 704 с.
- Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001.
- Cantillon R. Essay on the nature of commerce in general. Paris: Coppet Institute, 2001. 216 p.
- de Clippel G., Rozen K. Bounded Rationality and Limited Data Sets // Theoretical Economics. 2021. Vol. 16. P. 359–380.
- de Clippel G., Eliaz K., Fershtman D., Rozen K. On selecting the right agent // Theoretical Economics. 2021. Vol. 16. P. 381–402.
- Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. England, UK: Routledge, 2006. 1312 p.
- Heilbroner R. Economics as a Universal Science // Social Research: An International Quarterly. 1991. Vol. 58. No. 2. P. 457–474.
- Mas-Colell A., Whinston M., Green J. R. Microeconomic Theory. Oxford, UK: Oxford University Press, 1995. 998 p.
- Tirole J. Theory of Industrial Organization. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1988. 496 p.
- Wigner E. The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences // Communications on pure and Applied Mathematics. 1960. Vol. 13. No. 1. P. 1–14.

References

- Aristotle (1978). *Sochineniya v 4-kh tomakh [The works, 4 volume set]*. Moscow, Russia: Mysl'. (In Russ.)
- Bertalanffy, L. von. (1969). *Obshchaya teoriya sistem— obzor problem i rezul'tatov [General System Theory: A Survey]*. *Sistemnye issledovaniya [General System Theory. Foundations, Development, Applications]*. Moscow, Russia: Nauka, 30–54. (In Russ.)
- Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic thought in Retrospect]*. Moscow, Russia: Delo Ltd, 687. (In Russ.)

- Blaug, M. (2004). *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty ob'yasnyayut [The Methodology of Economics or How Economists Explain]*. Translated by Yu. V. Avtonomov. Moscow, Russia: Zhurn. Voprosy ekonomiki, 415. (In Russ.)
- Bolzano, B. (2003). *Uchenie o nauke. (Izbrannoe) [Theory of Science. A selection]*. Saint Petersburg, Russia: Nauka, 518. (In Russ.)
- Wigner, E. (1968). Nepostizhimaya effektivnost' matematiki v estestvennykh naukakh [The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences]. *Uspekhi fizicheskikh nauk [Advances in Physical Sciences]*, 94(3), 535–546. (In Russ.)
- Varian, H. R. (1997). *Mikroekonomika. Promezhutochnyy uroven'. Sovre-mennyy podkhod: uchebnik dlya vuzov [Intermediate Microeconomics: A modern approach]*. Moscow, Russia: YuNITI, 767. (In Russ.)
- Grebennikov, P. I. (2020). O modernizatsii kursa "Makroekonomika" [On the modernization of the course "Macroeconomics"]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 2(7), 7–35. (In Russ.)
- Dyatel, E. P. (2019). Kriterii nauchnoy dostovernosti i sposoby povyshe-niya evristicheskogo potentsiala ekonomicheskoy teorii [Scientific criteria and means of enhancing the heuristic potential of economic theory]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 16(3), 513–527. (In Russ.)
- Ivanitsky, V. P. & Dyatel, E. P. (2021). Sistemno-strukturnyy podkhod k formirovaniyu ponyatiynogo apparata politicheskoy ekonomii [System-Structural Approach to the Formation of a Conceptual Apparatus of Political Economy]. *Idey i idealy [Ideas and Ideals]*, 13(2), 239–265. (In Russ.)
- Lakatos, I. (1978). Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruk-tsii [History of Science and Its Rational Reconstructions]. *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki [Structure and development of science. Boston studies in the Philosophy of Science]*. Moscow, Russia: Progress, 203–235. (In Russ.)
- Lemeshchenko, P. S. (2011). Teoreticheskaya ekonomika: istoki, predmet, metodologiya [Theoretical Economy: origin, subject methodology]. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economy]*, 1, 17–34. (In Russ.)
- Marx, K. & Engels, F. (1956). Razmyshleniya yunoshi pri vybore professii [Reflections of a young man on the choice of profession]. *Marx K., Engels F. Iz rannikh proizvedeniy [Marx, Engels from different early works]*. Moscow, Russia, 1–5. (In Russ.)
- Marx, K. & Engels, F. (1954). *Soch. [Collected works]*. 2nd Edition. Vol. 3, 20, 23. Moscow, Russia: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Marshall, A. (1983). *Printsipy politicheskoy ekonomii [Principles of Economics]*. Moscow, Russia: Progress, 415. (In Russ.)
- Mas-Colell, A., Whinston, M. & Green, J. (2016). *Mikroekonomicheskaya teoriya [Microeconomic theory]*. Moscow, Russia: Delo, 1333. (In Russ.)
- Mill, J. S. (1980). *Osnovy politicheskoy ekonomii [Principles of Political Economy]*. Moscow, Russia: Progress, 495. (In Russ.)
- Nelson, R. & Winter, S. (2002). *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy [An evolutionary Theory of Economic change]*. Moscow, Russia: Delo, 535. (In Russ.)
- Nureev, R. M. (2014). *Kritika bazovykh predposylok sovremennykh makroekonomicheskikh teoriy [The critics of basic assumptions of modern macroeconomics]*. Moscow, Russia: Institut ekonomiki RAN, 54. (In Russ.)
- Orekhovskiy, P. A. (2021). Bol'shoe slepoe pyatno ekonomicheskoy nauki [Big blind spot of economic science]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 3(12), 145–152. (In Russ.)
- Pakhomova, N. V. & Rikhter K. K. (2009). *Ekonomika otraslevykh rynkov i politika gosudarstva [Economics of sectoral markets and government policy]*. Moscow, Russia: Ekonomika, 815. (In Russ.)
- Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie [Personal knowledge]*. Moscow, Russia: Progress, 344. (In Russ.)
- Popper, K. (2002). *Obektivnoe znanie. Evolyutsionnyy podkhod [Objective knowledge: an Evolutionary Approach]*. Moscow, Russia: Editorial URSS, 384. (In Russ.)
- Poincare, A. (1990). *O nauke [The value of science]*. Moscow, Russia: Nauka, 736. (In Russ.)
- Rikardo, D. (1950). *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [Principles of Political Economy and Taxation]*. Moscow, Russia: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 360. (In Russ.)
- Smith, A. (1962). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An inquire into the Nature and causes of the wealth of nations]*. Moscow, Russia: Sotsekgiz, 684. (In Russ.)
- Tambovtsev, V. L. (2020). Neproduktivnost' popytok metodologicheskogo sinteza [Unproductivity of the Methodological Fusion's attempts]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 3, 7–31. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. & Bersenev, V. L. (2006). Politicheskaya ekonomiya i ekonomiks: osobennoe i obshchee [Political Economy and economics: particular and general]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 4, 5–14. (In Russ.)
- Tirole, J. (1996). *Rynki i rynochnaya vlast': Teoriya organizatsii promyshlennosti [market power and regulation]*. Saint Peterburg, Russia: Ekonomicheskaya shkola, 745. (In Russ.)
- Williamson, O. (1996). *Ekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya [The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting]*. Saint Petersburg, Russia: Lenizdat, 702. (In Russ.)
- Friedman, M. (1994). Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki [The methodology of positive economics]. *Thesis: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem [Theory and history of Economic and social institutions and system]*, 4, 20–52. (In Russ.)

- Heilbroner, R. L. (1993). *Ekonomicheskaya teoriya kak universal'naya nauka* [Economics as Universal Science]. *THESIS*, 1, 41–55. (In Russ.)
- Heyne, P. (1997). *Ekonomicheskiy obraz myshleniya* [The economic way of thinking]. Moscow, Russia: Katalaksiya, 704. (In Russ.)
- Schumpeter, J. A. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of economic analysis]. Saint Petersburg, Russia: Ekonomicheskaya shkola. (In Russ.)
- Cantillon, R. (2001). *An Essay on the Nature of Commerce in General*. Paris: Coppet Institute, 216.
- de Clippel, G. & Rozen, K. (2021). Bounded Rationality and Limited Data Sets. *Theoretical Economics*, 16, 359–380.
- de Clippel, G., Eliaz, K., Fershtman, D. & Rozen, K. (2021). On selecting the right agent. *Theoretical Economics*, 16, 381–402.
- Schumpeter, J. A. (2006). *History of Economic Analysis*. England, UK: Routledge, 1312.
- Heilbroner, R. (1991). Economics as a Universal Science. *Social Research: An International Quarterly*, 58(2), 457–474.
- Mas-Colell, A., Whinston, M. & Green, J. R. (1995). *Microeconomic Theory*. Oxford, UK: Oxford University Press, 998.
- Tirole, J. (1988). *The Theory of Industrial Organization*. Cambridge, Massachusetts, London, England: MIT Press, 496.
- Wigner, E. (1960). The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences. *Communications on pure and Applied Mathematics*, 13(1), 1–14.

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4383-8060> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

About the author

Evgeny P. Dyatel — Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher at the Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-4383-8060> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 06.04.2021.

Прошла рецензирование: 18.05.2021.

Принято решение о публикации: 15.07.2021.

Received: 6 Apr 2021.

Reviewed: 18 May 2021.

Accepted: 15 Jul 2021.